

Номинация «Пьесы»

Борис Подгайный

КОФЕ МОЛОТЫЙ

Пьеса в одном действии для одного актёра

Обычная кухня в обычной квартире. Уютная, впрочем, ухоженная, опрятная. Хорошая мебель: стол, стулья, кухонный гарнитур. Электрорплита, большой холодильник. Много бытовой техники, недавно купленной.

Раннее утро. Рассвет чуть-чуть проникает сквозь шторы. По ходу действия постепенно светлеет.

Входит ПЕРСОНАЖ в халате, осторожно прикрывая за собой нескрипящую дверь.

ПЕРСОНАЖ. Тихо-тихо, тихо... Еще тише. Я даже не включаю свет. В спальне всегда темно, шторы мы на ночь закрываем. Я и с закрытыми глазами могу встать беззвучно; беззвучно, тихо-тихо, не шаркая, пройти между диваном и стенкой; беззвучно прикрыть за собой дверь – она не скрипнет, я знаю. Тихо-тихо пройти по коридорчику до кухни – я и с закрытыми глазами могу. Я всё здесь знаю, я не включаю свет, пусть утро наступит естественно.

И в этот час между ночью и утром, в час, пока она не проснулась, - я царь и бог. Т-с, тихо-тихо...

(Готовя завтрак, действует уверенно и легко).

Кофе всегда намолот с вечера. Никакой растворимой гадости – только молотый. Покупаем только в зернах и мелем только сами: мелко-мелко – хорошая кофемолка... Да, кое-кто скривится: мелют с вечера, весь аромат уйдет... Не уйдет, если в кофемолке и оставить, никуда он, нежнейший, не денется.

Турка - только медная, только с узким горлышком, все остальное фуфло. Вода фильтрованная – у нас хороший фильтр. Ни в коем случае не кипяченая. Плита электрическая – беззвучная. Средний уровень – на полном жару кофе варят идиоты. И прочие лохи. Щепотка соли на доньшко, щепоточка. Некоторые предпочитают сахар. В этом случае турочку надо немножко над конфорочкой подержать, чтобы сахарок подтаял – но не пригорел! Тогда такой карамельный оттеночек появляется. Иногда мы тоже карамелькой балуемся, по настроению. Но сегодня – соль, чуть-чуть.

Некоторые ваниль добавляют, корицу, имбирёк. Есть такие, что даже черный перец. Мы тоже как-то баловались, ну, так, на любителя – не наше. Кофе хорош, когда он сам по себе. Тогда он кофе.

Четыре ложки с горкой на двоих: тут дело вкуса (некоторым чересчур; есть придурки, которые больше сыплют), но мы - только так. Ах, аромат, аромат, мои рецепторы, о-бо-ня-ю, о-бо-жа-ю... Воду льем до этой самой узкой части, чтобы пенке было, куда подниматься. И на конфорочку.

Кофе варю только я. Это моё. Впрочем, и завтрак готовлю только я, пока она не проснулась. Никай дискриминации – разумное распределение: ей еще макияжиться. Если всю готовку на нее, то и к обеду не выберемся. Не в этом дело – мне приятно просто. Спит сейчас, посапывает... Ничего она не посапывает, это я, грешен, подхрапываю. Она мне тогда: «На правый бочок повернись, на правый» - даже не просыпаясь, на автомате. И я поворачиваюсь, на правом я не храплю отчего-то.

Нельзя отвлекаться, когда кофе готовишь, глаз да глаз. Ни в коем случае не доводить до булькания. Ни в коем. Вот когда пеночка шапочкой станет и попрет, только-только попрет, из узкого – лови момент, чижом не щелкай, пока шапочка не распалась, в шапочке все и дело, весь фокус. Несколько ритуальных движений, круговых, над конфоркой... В чем их смысл - ну, откровенно, ну, эзотерика. Мистика, магия. Колдую. Ага, ага, вот, опля – легким движением, изящно, я царь и бог!

Пусть немножко отдохнет, опустится, потом опять подогреем. Если подогрывать, осадочек вниз опускается, процеживать не нужно. Некоторые до трех раз подогревают. Да, так насыщенной, но нам же не надо, чтоб глаза на лоб полезли, нам разок.

Пока салатом займемся. Сегодня салат «Утренний», он же «Весенний». Свежие овощи, половодье чувств. Иногда бывают каши, и рисовая, и овсяная, да любые, в принципе. Манную мы не любим, слава богу, с детства еще. И никаких этих, быстрого приготовления – суррогаты, комбикорм. С фруктами можно, свежими: яблочко порезать, грушу, банан. Бывало, и чернослив. Но сегодня – салат! Во, огурчик какой – идеальный. А помидорчики – только розовые, она розовые предпочитает.

Спит себе – укутанная. Мерзлячка... Я не могу, мне жарко, у нас тепло, я вообще не укрываюсь, в трусах... А она – простынка, одеяло, плед такой плюшевый, да еще подушку сверху, у нас такие большие подушки от дивана – сверху, во, гора! Пещера. А в ней принцесса, спящая красавица дрыхнет. Немного зелени, а-а, кинза...

Я всегда, как проснусь, смотрю на нее, спящую. Она такая... девчонка, совсем девчонка. Беленькая. Губы детские. Улыбается чему-то. Причмокивает, как дети, иногда. Иногда нахмурится, снится что-то – серьезная... У нее складочка даже между бровей, ну, не складочка, полоска, линия легкая. Одна. Не морщинка, нет, штрих. Она во сне разговаривает, да! Не всегда, конечно. Что-то объясняет, объясняет кому-то. Убедительно: так четко втолковывает. А слов не разберешь. Никогда. Четко, но не разберешь.

Да-да-да, кофе, второй подогрев. Сейчас чуть-чуть погрет, и хорош. Чашки надо кипяточком обдать, чтоб прогрелись. А кофе потом в них – с пеночкой, в пенке весь аромат. Некоторые пеночку ложечкой снимают и по чашкам. Ну, как вариант, допустимо. Но мастера сразу из турки - по чашечкам: с пеночкой, аккуратненько, сохраняя... Ах, божественно, божественно да и всё.

Сейчас изящная сервировочка – и будить. Легчайшим поцелуем. Она: «Ох, ой, ну...» - как будто не нравится, делает вид, - «с утра - целоваться»... И часто, между прочим, ее слова: «Ой, посмотри эти фильмы! Проснулись и, прямо в постели, давай: лижутся, лижутся. Не умывшись, зубы не почистив, во рту рта пехоты ночевала, фу... Неправда жизни». Но я-то знаю, что нравится. Легчайший поцелуй. Но в губы. М-да...

Ой, чуть не забыл! Не забыл, конечно, это я выпендриваюсь. *(Снимает халат, оказывается, под ним он – в белоснежной рубашке, темных брюках).* Ваш персональный мажордом, принцесса, к вашим услугам. Извольте откусать. Ах, нет... *(Достает из кармана бабочку, надевает на шею).* Вот теперь мажордом, теперь извольте. Такая фишка – ну, когда-то выделялся, ей понравилось, теперь ритуал. А я не против, пожалуйста, не то, чтобы сильно прикольно, но фишка наша, ей нравится...

И накрываем, накрываем. Где у нас салфетки? Салфетки у нас на столе, раскладываем, раскладываем...

(На столе, отдельно от других, лежит салфетка, на которой что-то написано красивым женским почерком).

... ем.

Что это на салфетке? На салфетке написано: «Знаешь это всё». Знаю это всё, ага: «Не буди меня, просто уходи». Ага. «Всё у нас кончилось». Что у нас кончилось? «Всё». Два раза «всё». Через «ё». Что «всё»? Полный холодильник. Ха-ха. Чепуха. Что это за упражнения? «Знаешь это всё». Без запятой. А нужна запятая? «Знаешь» - ее слово: «Знаешь, я летала во сне»... «Знаешь, я с твоей карточки сняла»... Теперь знаю, спасибо, моя радость. «Не буди меня, просто уходи. Всё у нас кончилось». Я – куда? На работу? И ей на работу. Почему «не буди»? Что это...

Что это? Что за чушь? «Не буди». Не буди. Не буду, не буду. Это... Подожди-подожди... Ее почерк. У нее красивый почерк, у меня хуже. Хо-хо, ха-ха, шутки юмора? Ну, это очень смешно, но не перебор? Это... господи, да ладно, что я - вставать пора, заспалась, пора, красавица, открой... *(Делает несколько шагов к двери).*

Что же это, мама моя? Всё?

Надо масла в салат, оливкового. Она оливковое предпочитает. Чуть-чуть. *(Открывает холодильник).* Всё, кончилось оливковое масло. А магазин еще закрыт. Ну, так на помидорном соке настоится. Нет, что за шутки? Пойду, растолкаю сейчас, ты что себе позволяешь? Кукла я, что ли, пупсик резиновый? Спит она, не буди.

Так, подожди, может, это просто, ну, там, «до вечера»? Что кончилось-то? Всё? Как всё? (*Раздергивает шторы*).

Всё...

(*Меняется освещение и с его сменой здесь и далее по ходу пьесы мы вместе с ПЕРСОНАЖЕМ то переносимся в места и времена, о которых он вспоминает, то снова возвращаемся в обычную кухню*).

Все истории, происходящие между, скажем так, полами, похожи. «История наших отношений» - как пошло звучит. История, она – древнего Рима история, средних веков. Пыль времен, запах плесени. Случилась со мной, братцы, история: меня моя благоверная из дому гонит. Пожалейте меня, братаны, плесните колдовства! Но как такое кому расскажешь? Что я тогда за мужик?

Если рассказать, то все обыденно. Если рассказать. На пьянке встретились, да, на вылазке. Смотрю – красавица, необыкновенная. Все вокруг обыкновенные. А она нет. Смотрю – с другим танцует, прижимаются. Может, и уединяться пойдут. Нет, думаю, погодите, такая женщина – с этим хлюстом, да не достоин он. А она достойна. Меня. Ну, и подошел.

Нет, нет, нет, не так все было. Ну, то есть так, по канве, но это как удар, как молния – слова-то все какие... банальные. Тут – волшебство, тут... Я ее тогда провожать пошел, с арбузом подмышкой. Арбуз остался целый, большой. «Что ему пропадать, - говорю, - давайте его вам». Она: «Я не донесу». Я и донес. Большой арбуз, сладкий – она потом рассказывала. Мы ведь у ее подъезда простились. Но я ее поцеловал. «Можно, - говорю, - в щечку, по-дружески?» А поцеловались в губы. М-м-м-да, арбуз.

Я пригасил в ресторан. Не бог весть какой, но приличный. Сидели так хорошо, есть большой зал, есть маленький, пять-шесть столиков, уютный, мы там. И все так, за перегородочками сидят, друг другу не мешая. Разговор обычайший: кто ты – кто я. Прощупывание. А я-то чувствую уже, что всё, влип. Вот, ей-богу, сразу чувствую, практически сразу. А разговор как-то вязнет, как-то по кругу, то же самое, опять... И я понимаю, что нужен выход, надо что-то делать, предпринимать, ведь потерю, потерю... А – ничего не могу, так бывает, ничего не могу, такая она необыкновенная. Всё – понимаю - сейчас всё: выйдем, разбежимся, останемся друзьями в лучшем случае. И тут она встает, молча, ко мне подходит и – разговор никак не предполагал – целует. Да. А губы ее – вкус арбуза. Жвачка, да, резинка жевательная. Не то, чтобы я этот вкус как-то предпочитал. Но теперь предпочитаю.

(*Меняется освещение*).

Теперь-то что делать? Пойти к ней? Потребовать объяснений? Что это, радость моя, значит: «всё кончилось», что это за «просто уходи»? После всего, что было, так просто? Я что – муха на стекле, вода в унитазе? Я же...

А кто я, кто я для нее?

Ну, как это – кто? Вот бывало, было же, сколько раз – во сне, не просыпаясь, прижмется, обовьет, щека на моем плече, слышно, как ее сердце... Слышно ее сердце. А я лежу, шевельнуться боюсь, и волна такая накрывает, баюкает...

(Меняется освещение).

Мы на море с ней трижды были: под Анапой, в Адлере, в Абхазии, в Гаграх. В Турцию всё собирались, загранпаспорта оформили, но как-то... Под Анапой море мелкое, но хотя всё равно хорошо, и бассейн в коттедже. В Адлере на съемной квартире жили, как в коммуналке, с хозяйкой, с соседями. Сын хозяйки на балконе спал. А в Абхазии там, да, природа... хотя дома есть, еще с войны стоят – черные... Кофе там неплох. Только волшебные слова надо знать: «Сделайте, как себе». Они радуются...

Загар к ней не пристаёт, не ложится. С утра до вечера на пляже, только в самое пекло уходим, кремами всякими, гелями, ее перемажу... Я уж облез давно и забронзовел, а она беленькая... В Адлере, может, в Анапе: я отлучился – ну, там, попить принести – возвращаюсь, подхожу: она возлежит, а рядом пристроился уже ловелачик, из местных. На корточках. «Вах-вах, - носом водит, - какая бэленькая, как тортик. Сэгодня приехала?» Сегодня – мы вторую неделю загораем, вот уже где! Ну я, конечно, ...рядом прилег. Ловелачик – нормально, всё понял.

«Бэленькая»... А ей-то понравилось, сколько раз потом вспоминала: «Бэленькая как тортик». Или то Абхазия была? Нет, Адлер. В Абхазии таксист был настырный, когда в Афон ездили. Такие взгляды кидают – ни стыда, ни... Так а как же – необыкновенная, беленькая...

(Меняется освещение).

Что за дрянь, в самом деле? Что я сижу? Десять шагов до спальни! Не буди ее, принцессу – как же, ага! Я вам не...

(Открывает дверь, выбегает в коридор, возвращается с чемоданом на колесиках и большой спортивной сумкой).

Тихо-тихо... Так. Вот так, да? Вот так – вот моя поклажа, вот мой такедж. Сумка моя, я с ней и переехал. Чемодан вместе покупали, перед Анапой. Чемодан, значит, тоже мне – щедро. Лажа-то какая... Ну да, мое шмотье. Письменных пояснений больше ...никаких. Чего пояснять, всё просто... Во, пена для бритья моя и щетка – заботливая... Когда успела-то? Очень заботливо, очень аккуратно всё барахло собрала и у входной двери выставила. Уходи – не волнуйся, не буди – не переживай.

А когда она успела? Так, так, так... Вчера. Вчера всё было как обычно. Я позже пришел – нормально. Ужинали – ужин она готовит – это нормально. Пюре с окорочками, просто разогреть, еще со вчерашнего. Что говорили-то? Да ничего, никаких признаков, нет, нет! Что говорили, я и не помню, мелочи, думал о чем-то своем... А-а, она говорит: «Надо маму проведать, давно не были!» Ну, надо, да, что тут сложного, без проблем. Я говорю: «Вы ж созваниваетесь каждый день». Что обидного? Ничего. Нет, нет, «надо проведать» - не вчера, а позавчера. Вчера она у мамы была! Так

что – из-за этого? Ну, тогда это... Что там – давление у мамы, бессонница – мелочи, как обычно... Ничего, никаких признаков!

(Меняется освещение).

С мамой ее у меня всё прекрасно. Взаимопонимание. Приятная женщина, не назойливая, живет отдельно – красота. Я ей на юбилей даже поздравление написал: «Скажу без фальши, как можно проще, не лицемерю и не виляю: какое счастье – такая теща! На тыщу тещ ее не променяю». Чего им еще? Райские отношения – никаких косых взглядов, «что вам хорошо, то и мне в радость», ну! Золотая теща.

Нет, было, было! Заночевала она у нас, а я утром кофе молот! Не успел с вечера, забыл – дурацкое совпадение, тут теща, а я забыл. Кофемолка рычит, теща выходит, в пеньюаре своем: «У меня бессонница жуткая, давление. Только прикемарила, а ты тут...» Так я извинился. Чистосердечно. Бессонница, уважаю, но ей на работу не ехать, уйдем – и валяйся до вечера, обкемарься. А лучше к себе езжай и там... поправляй давление. Да нет, я ценю тещу, уважаю, нет тут проблем никаких. Хотя, хотя...

Она мне однажды сказала, буквально так: «Нет у меня никаких подружек, у меня мама лучшая подружка». Вот ведь как. Понять можно – безотцовщина, при маме росла. Так она сама от маман отделилась, до меня еще. Что правильно, люди взрослые. А что подружек нет – ничего странного. Подружки понятны какие, она-то нет. Мне подружки не нужны. Мне она нужна, пусть и с тещей, с тещей тоже.

Была одна подруга.

(Меняется освещение).

Еще со школьных лет, в одном дворе играли... И потом, при мне уже, часто собирались, втроем, вчетвером – подруга со своим очередным, она их часто меняла... Ну, то ее дела, мы смеялись просто. Да, посмеивались – мы-то вместе. Как-то втроем в кафешку завалились. Заведение, вроде, приличное, а напоролась на стриптиз. Женский. Ну, не стриптиз – эротическое шоу: выходят девицы, пританцовывают, скидывая там с себя... Но до понятных пределов, не всё, не всё... Но мы, поскольку о программе не знали, немножко в шоке, немножко... С другой стороны, такое сейчас сплошь и рядом – чего комплексовать. Ну, пообсуждали достоинства неприкрытые, скорее, недостатки, поржали... Там всё шоу-то – минут двадцать, потом как обычно. Танцевал я и с ней, и с подругой ее...

Стой. Ну, да, сморозил. Когда с подругой танцевал, говорю: «Я б в тебя втюрился, если б...» Ну, надо что-то говорить, когда танцуешь, вот и ляпнул, под хмельком. И, извините, сказано-то в каком смысле: если бы не она, то, может быть, и подруга, это ж ее подруга, тоже, значит, неплохой человек... Но ведь неизвестно, что эта подруга ей потом пересказала. И как... Да, ну, вздор какой, мелко, смешно...

Ай, нет, ну хуже же было! Намного хуже.

(Меняется освещение).

Поехали как-то на турбазу, пикничок, развеяться. Большая была компания, мои знакомые, ее. Так подруга эта зазвала туда двух своих хлюстов. Двух. Оба отморозки конкретные, я ни до, ни после их не видел, слава богу. Приехали они намного позже, у нас уже микроклимат свой. А они, ну, быдло, хамье. Понажрались и давай тут права качать. И ведь непонятно, как реагировать, вроде же они при подруге этой... Общими усилиями как-то показали: не место вам тут, уматывайте ко всем... так они ушли, потом опять пришли, потом полночи еще по этой турбазе завывали. А подруга их там всё уламывала, удерживала вроде... Так и моя, она, с подругой. «Знаешь, - говорит, - ты сиди тут, не вмешивайся, мы сами...» А что они там сами?

Я не струсил, нет же! Перебрал немного, да...

Ну, мрази эти уехали. А на утро я высказал, конечно, и про подругу, и что они там уламывали... Как баба базарная выплеснул, как тряпка. Гнусная история. А у кого таких нет? И это же было давно, потом же всё нормально. И с подругой она разбежалась. Не сразу, но скоро, сравнительно.

Тогда она, по-моему, про маму-подружку и сказала. Нет, раньше, намного. А с подругой вась-вась тянулся еще... Но как-то приходит в слезах, плачет. Что там между ними пробежало, не говорит, только «знаешь, всё, никакая не подруга, звать ее никак», просто как отрезала.

(Меняется освещение).

Стоп-стоп-стоп! Ой! Ой...

Нет, подождите, по подругу сказано было так: «Она мне завидует». Да, так. И от зависти наговорила, чего ни попадя. А завидует почему? Потому что есть я. Так ведь, так, логично? Потому что я хороший. А я хороший, я ведь всё для нее, на всё готов...

Как же так со мной можно? Я не подруга, в одном дворе не играли, на одних мальчиков не засматривались...

(Меняется освещение).

А во дворе мы, кстати, с ней сживали. Придем вечером – или в выходной: «Выйдем – подышим?» Вниз спустимся. У нас не в самом дворе, а на выходе – скверик приличный, клумба в центре, деревья вокруг, лавочки, уютно. Пивка возьмем, по бутылочке, она только глоток-другой, мне больше достанется. Птички чирикают, листва шелестит, машины за деревьями – мимо. Сидим, болтаем. Обо всем. Ни подруг, ни тещ. Ни хамья, ни быдла. Мы, только мы. И нам хорошо.

Ведь было же, я не выдумал, не придумал. Но давно уже – не было. Так, может, погода плохая, может, устали за день, может, - да мало ли что! Дома, что, нельзя разговаривать – обо всем? Даже лучше, никаких ублюдков на соседней скамейке. Хочешь пиво пей, хочешь мартини с соком.

Она мартини предпочитает, с грейпфрутовым соком. Совсем чуть-чуть, бокал на весь вечер. У нас сосед сверху – летчик был. То есть, он и сейчас летчик, только в Питер перевелся. Давно. А когда тут жил, мартини

нам поставлял. Из дьюти фри. Он по Европе мотается, ему там просто. Привезет сразу бутылки три, они стоят у нас по три месяца. Ну, не стоят. Тянутся. Сядем вечерком, соку в бокал, льда еще. Говорим, балдеем...

(Меняется освещение).

Может, я много пью? Я пью немного. Не аскет, но под забором меня не видели. Да, в юности там – ну, как у всех. И, пока ее не встретил – ну, бывало, хотя тоже – в пределах. А с ней – ну, бутылка пива вечером, ну, другая, ну, рюмка по выходным, допустим, – что крамольного? А если больше, если выход в свет, так мы вместе, мы наравне. Ну, может, иногда я чуть больше. Так мужик-то кто?

(Меняется освещение).

Было как-то. Она даже к маме ночевать ушла. Объявился вдруг мой одноклассник. Он в другом городе живет, сюда в командировку. Тыщу лет не виделись. «Я, - говорит, - приду». Что я скажу: нет, не надо, мы с ним друзья были – не разлей? Может, мне хочется, чтобы он увидел, как у нас хорошо, какая она необыкновенная.

Пришел, общаемся, мартини этот наш, хороший разговор, душевно. Ну, он достает беленькую. Как отказывать – одноклассник, тыщу лет? И разговор про детство, про юность, как тут... В общем, она ушла, к маме. «Знаешь, что вам мешать, вам без меня проще». Проще опять, просто всё... ну а без нее мы еще за одной сбегали. И я сижу, расписываю, в каком я шоколаде, как славно у нас, про кофе по утрам. А он ржет. Скалитесь скабречно.

«Давай, - говорит, - проституток вызовем». Ко-го? «А что, - говорит, - нам, почти красивым. Твоя ушла. Не узнает. Да, может, она не твоя еще». – «Как это не моя?» - «Так вы ж не расписаны», - лыбится. «Так, - отвечаю, - она сама не хочет. Этих формальностей. Потому что не в формальностях дело, а в сути. А, по сути, она моя жена». – «Оно и видно, - ржет, - всё, захомутала?»

«А-а, - говорю, - вызывай». Ляпнул, да. Типа, для наших отношений даже такой вот вызов – мура, лажа. Вызвать, как выяснилось, нетрудно, зайти в интернет, там такого добра... Ой... приехали, две. Он себе выбрал, я другой говорю: «Извините, ложный вызов». Она говорит: «Я просто пообщаться могу». Ну, как просто – заплатите.

Короче, я на кухне общаюсь, здесь вот, в тумане, конечно, но просто сидим. А одноклассник мой – в спальне, с той. Ой, мерзость, конечно. Я, получается, этой рассказывал, как у меня все изумительно с ней. Этой – про нее. А эта сидела, слушала. У нее работа такая, ей это на фиг не нужно, но слушала, изумлялась.

А, может, нужно? Может, мой рассказ, наша история, эту, прости, господи, от чего-то там уберегла, чему-то там способствовала? Ведь, по сути, все женщины – хрупкие. Я б не стал вот так вот фыркать скептически, я б не стал... Хотя смешно, конечно.

И вот, я не знаю, что там у одноклассника в спальне получилось, та, что на кухне, раньше уехала, а одноклассник с другой – из спальни – куда-то еще. Из нашей спальни.

На следующий день (день уже, вторая половина) одноклассник звонит: «Слушай, я без копыя, мы, кажется, где-то во что-то играли, обчистили меня вдрызг. Мне уезжать вечером, выручай».

Выручил, конечно.

Выручил и думаю: «Ну и козел же я».

Вечером она приехала. Я всё убрал, постель в стирку, но она же смотрит: «Как вы вчера?» Ну, я и рассказал – как было, что помню. Она – опять к маме, на два дня. Дурак, что рассказал, мог бы – «нахрюкались да уснули». Но у нас же доверие, как иначе?

И, что уехала, правильно. Ведь, получается, я в нашей спальне, в нашей кухне – осквернил. Как это ничего не было, какая разница, что там могло быть, ведь просто нельзя. Есть такое слово.

А мои оправдания – про удар, молнию, что, когда в таком состоянии, кажется, что весь мир чудесен и изумителен, что хочется ему навстречу лететь, всех своим счастьем одаривая, всех – не убедительны. Потому что паскудство это, что бы и как там ни было. И предательство.

Получается, я предал. Но ведь через два дня она вернулась. Я отдраил всю квартиру, белье – то, с постели – вообще выбросил. На дверце лифта был какой-то рисунок помадой – крылышки там, какая-то улыбка в овале (может, и не эти нарисовали, а шпана подъездная) – но я и его смыл.

Мы опять поговорили. Недолго. Я каялся, она смотрела. Смотрела на меня. Потом говорит: «Знаешь, мама сказала, если б ты мне изменил, то не рассказывай об этом». И смотрит на меня, а-а... Прижал ее, хрупкую, и глажу, глажу. И стали жить дальше.

(Меняется освещение).

Что интересно, мама опять возникает, теща. Хотя причем тут мама? И ведь если такое простить, то в чем мои дальнейшие прегрешения? Не было их и нет. Я и по хозяйству могу: кофе сварю, посуду помою, полы протру, гвоздь прибью, лампочку поменяю, сантехника вызову... Я не хуже, не лучше, да, но я такой, который тебя устаивал, со мной было хорошо. Почему – вдруг – стало плохо? Так плохо, что «просто уходи»?

Так вот возьму и уйду. Вещи собраны, спасибо. Жилье у меня собственное имеется, не продал, слава богу. Мы ведь продавать собирались. Сначала мою квартиру, потом ее. Вот ведь собирались же! Чтобы в новой жить, вместе, чтобы детки там...

Ага, в этом, что ли? Пять лет живем – и без детей. Скоро шесть уже. Но, граждане судьи, будемте объективны: это – по совместному решению, по обоюдному. Сначала поживем для себя, нам же хорошо вдвоем, вместе... Море, пляжи, друзья, компании. Театры, концерты – тоже. И, что скрывать, подкопим на будущее, и свое, и маленького. Гипотетического. Чтоб у него все было. Или у нее. И младенчество, и детство, и вся жизнь –

счастливые. Нормальный подход, осозанный, взаимный. А теперь, получается, я в этом виноват, что ли?

А вот орал бы сейчас горлодер в кровати? Или двое? Вот как тогда – «просто уходи» - а? Вовсе, господа присяжные, непросто! Как тогда чемоданы у порога выставлять? Екнуло бы сердечко?

Да я хочу детей, я хочу маленького! Даже двух. Мечтаю, планирую, да я готов уже! Хоть сейчас прямо.

Сейчас, конечно, очень кстати. Прямо сейчас. А что, объясниться-то надо. Не звери мы, не монстры и чудища – люди.

И все-таки – что было вчера, что еще? Не может быть, чтобы ничего не было ...особенного.

(Меняется освещение).

«Устала», - сказала она. Да, «устала». Что особенного, все устают, пойдешь отдохни, выпись, ляжем пораньше. Я тоже намалялся. Ляжем, обниму тебя понежней, поглажу... спи, мое счастье, набирайся сил, я с тобой. Я всегда с тобой. Легли, в айфоне своем она повисела, поковырялась, да и затихла, смотрю, дышит, посапывает.

«Как я устала», - говорит. Обреченно так. Слушай, обреченно! А я, придурок, хмыкнул что-то. Сочувственно. Типа сочувственно. «А я не устал? Я вообще вырубаюсь». Вот козел!

Устала, значит. От чего? От того, что я всё для нее ...всё всегда... готов? Малейшую прихоть ...за ваши деньги...

Причем здесь деньги? Что в голову лезет, чума...

Да, я не олигарх. И слава богу. С олигархом, небось, носом бы не вертела, только попробовала бы – мигом... Я – нормальный, я пашу с утра до вечера – для себя, что ли? Для нее, принцессы.

Ну, не принц я, не королевских кровей, голубых... С голубыми-то попробовала бы – что ж в башку лезет, мама моя... Туман в башке, как с похмелья, как в кошмаре... Сейчас проснусь – и всё. Всё по-прежнему. Всё, как раньше, как должно быть всегда. Мы же друг для друга созданы. Я для тебя, ты для... *(Хватает салфетку).*

«Всё закончилось» - как просто. Как естественно, как... небрежно. Даже запятую пропустила. Было да прошло, сплыло. Но, подождите, если было, то это не просто. Тут рубить ...неправильно, давайте разберемся, проанализируем. Мои прегрешения – вот они, все налицо, в чем еще каяться? И не придумаю. Не соображу. Мелочи. Или не мелочи? Так я искренне. Вот, искренность – мой грех. Открыт я, распахнут – бери, со всеми потрохами, дави, топчи, бей в самое незащищенное...

Слабый я, слабак, таю, как лед в бокале, как... Так ведь от неж-ности! Нежность, она, понимаете, обволакивает и хочется укутать, укутать, сохранить, убаюкать ее всю, всю...

Нежный я – вот беда.

(Меняется освещение).

Когда только жить начинали, еще не всегда вместе, то я у нее, то она у меня, - октябрь месяц, заморозки пошли. Она говорит: «Знаешь, сапоги

нужны зимние». Я: «Пойдем, выбирай». Пошли, выбрали. Мой первый подарок. Черные, кожаные, как на ее ножках сидели! Приятелю одному рассказал, он: «Что, сапоги? Ну, всё, пропал, захомутала». . . А я, может, и рад, в хомут этот! И сколько подарков потом – день рождения, 8 марта, Новый год, день знакомства, день первого. . . Да просто так: надо – давай, ни в чем себе. . . Все эти комбайны кухонные, тостеры, микроволновки – все я дарил. Холодильник новейший, двухкамерный, пылесосы – всё я. Чтобы ей удобней, проще, чтоб ни в чем. . . Цветы тоже дарил, тоже, валентинки всякие, стишки – «спасибо, что ты - у меня, спасибо, что ты - для меня. . .» За машину совместно расплачивались, на пять лет кредит, так отдали-то раньше, полгода, как закрыли. . . Но – нужна машина (нужна, не спору) – так, пожалуйста!

Я сам не вожу. Она водит – в чем грех? Она давно мечтала. Как-то сразу стало понятно. . . А у меня тогда – такая мечта: подъезжаю на новенькой «ласточке» к ее дому, сигналю. Она в окошко выглядывает, а я так стою, ключами помахиваю: «Вот, тебе». Получилось не так романтично, в кредит, но получилось.

На курсы вместе ходили. ПДД у меня, кстати, даже лучше шло, а вот с вождением. . . Она с первого раза сдала, я с третьего. . . не сдал бы, если б люди добрые не подсказали. И – как по маслу. На автодроме инструктор рядом сидит, на педали жмет. В городе, на трассе порулил пару секунд для проформы. Капитан, который экзамен принимал, говорит: «Ты, дружище, руль еще не чувствуешь. Пока не почувствуешь, водилой не станешь». Потом посмотрел повнимательней: «А, может, вообще не станешь». Но права есть, в спальне, на средней полке лежат. . . Или в сумке? Х-ха, и права положила, заботливая. Как издевательство, что ли?

Наверно, я смог бы, с машиной, если б захотел. Но я же вижу, что ей нравится, ей классно, мне – лишь бы ей. . . Я, кстати, жутко переживаю, когда мы вместе едем. Когда с кем-нибудь другим – по барабану, а, когда она за рулем. . . Ведь столько придурков на дорогах, прости, господи, идиотов, тварей. . . Видео в сетях посмотри – кошмар! А она, как в своей стихии, и пошлет, и палец покажет, и вираж, и форсаж. «Вот зачем, говорю, - провоцируешь? Ну, начнет какой-нибудь придурок отношения выяснять – зачем?» Смеется. Ну, и я подхохотываю.

У меня куча знакомых, у которых так же, жены водят. В чем криминал?

(Меняется освещение).

Может, в том, что мы не расписаны? Так, господа присяжные, она сама не настаивала. Хоть слово б сказала, я хоть завтра готов. Мы решили: бумажки эти – самое второстепенное. Главное – как мы друг к другу относимся де факто. А де факто она жена. Де юре – чушь, формальность, бумажка. Как права вот эти. . .

Ой, стой. Говорила она, говорила. . . Доктор ей один ляпнул: «Вы замужем?» - «Ну, неофициально» - «А для женщины, - говорит, - очень важное значение имеет, когда официально. Тогда и голова болеть

перестанет». Головные боли ее одно время мучили. «Голова болеть перестанет, когда официально» - посмеялись, поржали. Микстуры попила – прошло.

Так... А если это не доктор никакой? Дурак, недоумок, как же я не просёк? Прямым текстом тебе, придурку, было сказано: официально. Де юре. Господи, ну, если в этом проблема, я...

А что я – пойду сейчас, растолкаю: «Выходи за меня, мое солнышко!» А она: «Иди ты, козел... Всё кончилось». Она бывает... резка в суждениях. «И водить тебе не надо, не рожден». И «не лезь в бачок, еще больше испортишь. Я сантехника вызову». Сильная. Многое на себя берет. Многое. И с подругой она – решительно. Отрезала и забыла. А теперь, господа и братцы, до меня дошло. Моя очередь.

Но я вам, сударыня, не подруга приبلудная, не бачок сливной. Я...

Придурок в бабочке, вот кто я. Мажордом хренов, нытик, размазня. *(Срывает с шеи бабочку, мечется, не зная, куда ее приткнуть, открывает дверцу под раковиной, бросает бабочку в мусорное ведро, топчет ногой).* Вот, вот, вот, знаю это всё! Вот куда всё это, вот! Дошло? Я вам не...

Господи, может, она уже нашла кого? Доктора, лекаря, целителя... Врачевателя души. И тела.

Так это же... свинство. Паскудство это. Это... это... предательство. Подожди, подожди...

Ну, нет, ну – по-другому себя ведут, когда на стороне... А как по-другому? Я сам в студенчестве с тремя сразу крутил – с тремя! Ни одна про других не знала. Что я, дурак, рассказывать? Но это не то же, какое сравнение... Я бы почувствовал, такое в деталях, в нюансах, мелочах ощущается. Сразу. Нет-нет... Лоб чешется.

Это у кого – у меня – рога?

Спокойно, господа, спокойно. Анализируем. Вот женщины говорят: сразу запах чувят. Посторонний. Или там волосок на воротнике, помада... Я, когда история с одноклассником, тоже думаю: лучше самому рассказать, во избежание... Нет, то – совсем другая история. Тут-то что?

А вы знаете, всё может быть. Нет, никаких запахов я не чувю. Я, в принципе, чувствительный к запахам. Едешь утром в маршрутке, так сразу ясно, чем от кого прет: кто квасил всю ночь, кто лук с утра жрал, кто не мылся неделю, у кого недержание... Я часто на маршрутке езжу, ей на работу позже, так я сам... Хе-хе, так мы уже вместе на работу, на машине, давно... недели две, как минимум. Две недели, мама моя! Это... наводит...

Стойте, стойте! Маршрутка!

(Меняется освещение).

Сегодня, во сне! Маршрутка – и мы едем, да, да, снилось... Что же снилось-то, господи? Битком маршрутка, битком, но никаких запахов... Какие во сне запахи? Едем, да, вспоминай, придурок... Вот, ага! Тип какой-то, типок – уши оттопыренные, рыжий, харя деревенская, веснушки аж на ушах – лезет, вижу, к ней в сумочку, в клатч. Вкладчиво так, скотина! Я – к нему. А – битком, и люди какие-то заходят, что ли, все больше и больше, я

рвусь к ней, а не протолкнуться, топчусь. Так бывает во сне: хочешь рвануть, а не можешь, ноги, руки ватные. И все оттесняют меня, оттесняют. И я вижу через плечи и руки – она сумочку к себе тянет, а он – к себе, и ее вместе с клатчем. А я уже близко, я уже вот, я продрался, две-три спины...

И вижу – они сумочку-то уже не тянут, впритык друг к другу, глаза в глаза: ее лицо, профиль точеный, беленькая – и его харя рябая... И она так на него смотрит... Так... Как... тогда, у нас, между нами, так она теперь – на него... И я, я... просыпаюсь.

Я всегда просыпаюсь, когда снится кошмарное. До предела доходит, когда дальше всё, ужас – бац, и проснулся, какое счастье.

Я вот сейчас это придумал – или снилось? Да нет, снилось же, вот только буквально, ужас этот – и проснулся. Рядом она: лежит, посапывает безмятежно, жилка на шее – в такт, счастье какое. Какое счастье.

(Меняется освещение).

А теперь, чуткий и внимательный, вспомни, когда последний раз – последний раз – у вас – у нас – было это. Секс. А-а, ф-фуф, на прошлой неделе. Не было. На позапрошлой – было. Так – слегка, неубедительно. А когда убедительно? Тыщу раз! Волшебно, невероятно, потрясающе!

Но когда – последний? Нет, я-то всегда готов, но она сама... «Знаешь, не сегодня»... Или – дежурно так. Фантазии нужны? Так я готов, сама же...

А-а, теперь понятно, теперь я знаю.

Да что я знаю-то? То, что она говорит. «Голова раскалывается, устала». Где устала и как? На работе. «Напряженный день». А где она там, на работе, рассекает? Служебный, допустим, роман. А что: в обеденный перерыв, машина есть, сели, доехали, двадцать минут – всё удовольствие, долго ли? А вечером мне: «Знаешь, устала, напряженный день...»

Чушь какая – чудовищная, не про нее. Нет! Не знаю я, не понимаю ни фиги, нет!

(Меняется освещение).

Но до тебя, с тем хлюстом, она же обнималась? В танце, да, но прижимались и, если б я не активизировался, могло... И до меня у нее ведь были, не девочка. Мы не рассказываем друг другу о том, что раньше было. Ну, иногда я, для юмора, вскользь – но я же мужик. А про ее похождения я знать ничего не хочу, потому что это неважно: то, что было до – никакого значения не имеет. Важно – что между нами, у нас, сейчас, вместе.

Слушайте, я с тремя крутил, но это же игра, юность, гормоны, туда-сюда! Фьюить, мимолетом, и дальше полетел с чистым сердцем, расстаемся – и никто не злится, сколько еще вас, таких, на земле! Слушайте, да, менял как перчатки, – ну, может, преувеличиваю, – но слегка, налегке: «Знаешь, это всё, чао, крошка, я полетел!»

Я – бросал. Меня – не бросали. Знаешь, вот что, принцесса, меня не бросают. Не дождетесь. Хи-хи, ха-ха? Чепуха?

Что-то у меня во лбу... Давление?

Понимаете, я же думал, что у нас – навсегда. Она меня выбрала – счастье какое несусветное! А я выбрал ее, это не просто так, это серьезно очень. Я ее избрал, это же не только для меня, это и для нее счастье. Априори, что бы ни происходило, главное-то... незыблемо. И вот ведь какой пшик получается. Слепец, слепец глухонемой!

А вот летчик этот – в гости к нам захаживал, анекдоты травил. Пошлые. А она заливается! Прямо родственные души. Да нет, он женат, с ребенком... Кому когда это мешало? Нет, что я – мешок совсем? Я бы почувствовал! Или нет?

А те два хама с турбазы? Кто там кого всю ночь уламывал? А, может, они раньше знакомы? Может, один из - к ней и приехал, к ней-то и...

Боже, за что это мне...

Нет, нет, я бы ощутил... Я вспылел тогда, выплеснул! Грязно так. А у нее губы дрожат и взгляд такой... беспомощный, беззащитный. Перед моей гадостью, гнусью. Не смотрят так, когда виноваты, какая б ты актрисуля ни была, нет... Я мерзота был, не она. А она простила.

И... и... И теперь – «знаешь это всё».

(Меняется освещение).

Ничего я не знаю! Я не понимаю! Да, да, я знаю, бывает – свежесть ушла, отцвело, поостыло. Случается – сплошь и рядом. Но люди живут, люди как-то преодолевают. Приноравливаются. Видят необходимость, нужны друг другу. А не так что: поостыло – и постыло, пшел вон! Как так?

И что же я теперь – один? Сейчас уйду на работу, вечером приду, в маршрутке потолкаюсь, теперь всегда – на маршрутке... Не сюда приду - к себе. Ужин сделаю, сервировочку – бабочку, жаль, испортил – сяду один. Буду жевать, насыщаться. В душ схожу, халат накину, завалюсь. Один. Буду ждать звонка, эсэмески. От нее. Не дождусь, усну, захраплю. Храпеть можно как тыща кофемолок – обхрапись! Хрр... хрра... а... а...

Господи, сделай так, чтобы я сейчас проснулся. А она рядом лежит, посапывает, бормочет неразборчиво, и никаких салфеток на столе... Салфетки пусть лежат, но чистые, без этих «знаешь». Я знаю, я знаю уже, что это может быть, что такое может случиться, но пусть это будет сон. Всё, господи, я понял, я сделаю выводы, ты ведь всё можешь – одно маленькое чудо, для меня. Для нас, господи! А я уж постараюсь, я буду знать, я не допущу...

(Меняется освещение).

И вот что она там, в айфоне своем ковыряется? Сидит и сидит, зависает весь вечер. Нет, я как-то смотрел через плечо – ерунда: кулинарные рецепты, тайнства макияжа, диеты, тест «насколько вы привлекательны», женская дурь... Хотя может, когда я не заглядываю - «знаешь, а теперь я медленно-медленно снимаю свое кружевное...»

А может – былая страсть, старые дрожжи? Где она там, днем, рассекает? И с кем?

Да нет же, нет, она же всё рассказывает. Где была, с кем общалась, что обсуждали, над чем смеялись, с кем повздорила. Вздорит на работе, и я вздорю, все вздорят. Начальник у нее козел, так все начальники...

Так. А вот этот козел ей и говорит: «Вы наделали кучу ошибок - искупляйте». И прямо в кабинете начальника, на рабочем столе, в обеденный перерыв... искупляет. Мерзость какая...

Анализируем. Во-первых, это не так, она не такая. Это невозможно. Во-вторых, то же, что и в первых. В-третьих, если б я об этом узнал, то тому боссу натянул бы по самые не балуйся, расчленил бы на фиг...

Нет, босс-то при чем? Такой же, как все, хлыщ, ловелачик... сучка не захочет, у кобеля не вскочит.

Это я сейчас сказал? Это я сказал. Про нее – необыкновенную? Значит – что? Значит – обыкновенная. Такая, как все.

(Меняется освещение).

Чего я тогда суечусь? Я и не суечусь, я сижу за столом на кухне, чемоданы раздербанил, кофе стынет, салат засох, ноги-руки – как во сне, читаю записку на салфетке. «Знаешь это всё. Не буди меня, просто уходи. Всё у нас кончилось». *(Разрывает салфетку, идет к мусорному ведру, останавливается, разбрасывает клочки вокруг).* Вот – что и требовалось.

Угу. И ножичек лежит на столе. Помидорный. Узкое лезвие, резко заостренное к концу. С мелкими рубчиками. Очень удобно резать нежные овощи. И фрукты. В принципе, всё удобно резать. Нежное. Необыкновенное.

(Берет помидорный ножик).

Десять шагов до спальни – и... Улыбается, воркует во сне. Не хмурится, складочка почти не заметна. Жилка на шее пульсирует. Разбудить. Нежно. Поцелуем. «Пора, моя радость, кофе стынет».

(Здесь и далее иногда переходит на белый стих).

Она – с улыбкой легкой и невинной: «Как сладко мне спалось, как сладко»... - «Что снилось, солнышко?» - «Летала я во сне»...

«С кем?»

Ой, дрянь какая!

Нет, а если: «С тобою, милый, над землей летала в объятьях жарких, страстных и желанных»? Тогда... Тогда еще одним нежнейшим поцелуем прильнув к ланитам, говорю: «Родная, ты много сил затратила в полете, я отнесу тебя на кухню – подкрепись».

А помидорный ножичек в руках – куда его? Украдкой под подушку.

А потом, когда салатик уже поглотили, под остывший кофе, невзначай, небрежно: «Слушай, тут на салфетке хрень какая-то – «не буди, уходи»...

«Ой, - рассмеется, - да это я с мамой вчера по телефону болтала и записывала автоматически. Мама говорит, ноги у нее болят, в магазин выйти – проблема. А из продуктов всё кончилось, так завези - сама знаешь что. Приедешь, наверно утром, перед работой, так не буди, оставь жратву и сваливай».

« И-хи-хи, - подхватчу я, - теще помочь – святое дело. Затарим ее, оголодавшую, по полной».

« Какой ты у меня чуткий, - чмок-чмок. - Заодно и вещички твои маме забросим, пусть постирает, а то мне недосуг. Чтоб не воняли. А зубной щеткой твоей она свои полусапожки почистит. А то ведь выйти не может – как в нечищенных. Вот пеной для бритья и разотрет – заблестят как новенькие».

«Так, - скажу я, - мою пену – на ее мокроступы? Ах, вы...»

(Меняется освещение).

Дубль два. Десять шагов до спальни. «С кем ты летала?» «С летчиком небесным – всю ночь сосали мы мартини из горла». «А где был я?» «Ты был, родной, в клоаке. Где ты и будешь пребывать всегда с дурацкими вонючими носками и ненавистной пеной для бритья».

И что тогда?

«Вот помидорный ножичек – игрушка. Но как легко, пока ты не проснулась, ту жилку беззащитную на шее – одним движением, наискосок!»

А дальше – физиология. Сижу и смотрю, как хлещет фонтаном. Или сочится, растекаясь по простыням, одеялам, плюшевому пледу, на ламинат капая. В прошлом году ламинат постелили.

Смотрю. Потом – что? Звоню – куда там – 02, 102. «Приезжайте, такое дело... Какие шутки – чистосердечное!» Чисто сердечное. И жду, кофею попиваю, холодный – тоже вкусный. Ножичек помыть – зачем он грязный – он не виноват.

А она – там. Или не она – теперь уже. Конечно, не она.

(Меняется освещение).

Конечно, не она! Не она всю эту чушь и дрянь написала, не она! Это не она, это помутнение какое-то, фарс с клоунадой, не может этого быть!

Я не знаю, что я сейчас сделаю! Я себя – помидорным. Раз - наискосок!

Нет, господа присяжные, нет! Вот права – мои! Я имею право, я взнос сделал, я кредит оплатил, где ключи от машины – на тумбочке, как всегда, в прихожей. Я имею право, сажусь и еду. К теще? Зачем мне теща. Полусапожки искромсать?

Я сажусь и мчу – на моей «ласточке», с моими правами – я мчу, сбивая всех хамов, всю мразь лопухую, напропалую! К кольцу, где памятник стоит! Но не по кольцу, а прямо, через бордюры, по газону, на памятник! Прямо в постамент, в изваяние, в истукана! Шлеп...

(Бежит к выходу, останавливается).

И где тогда всё, что ты знаешь, всё, знаю я, всё, что мы знаем... как нам кажется. Нет ничего. Ни тебя для меня, ни меня для тебя. Летишь себе, как во сне, как в детстве... И всё хорошо, всё хорошо, я знаю.

Так хорошо, как было когда-то нам вместе. Нам ведь было хорошо? Я знаю, было, я всё знаю. Почему сейчас – прошло? Что мы упустили, не разглядели, где обманулись? Это обман, наваждение, чары, мы поддались,

это взаимно. Нам кажется, что мы врозь, нам мерещится, но мы вместе – на самом-то деле, по сути-то вещей!

И вот я на коленях у постели твоей прошу, молю – слово-то какое выскочило – не поддавайся! Это обман, это то, чего нет, это морок. Я тебя расколдую, спящая, ты только поверь, прости и поверь в меня, в нас – я разрушу колдовство, я смогу!

(Меняется освещение).

Еще один дубль. Очередной. Снято?

И вот, когда я на коленях, она просыпается, складочку хмурит: «А-а, это ты... По-человечески же просила – не буди. Нет, вот ему надо – зудеть в ухо. Всё уже, понимаешь, всё. Кончилось. Не будет продолжения. Дубля не будет. Снято».

(Меняется освещение).

Все истории между мужчинами и женщинами, господа присяжные, очень похожи. Нового нет ничего. Весь вопрос в том, кто кому раньше надоел, обрыдл, кто кого первый бросил. Нет, есть вариант, когда двое живут долго и счастливо и умирают в один день. В сказках. Да, живут и в реальности, но счастливы ли? Может, маются, может, ненавидят друг друга, а деться некуда – дети, имущество, долги, обязательства? А потом привыкают – деться некуда – значит, нужно жить вот с этим нудным, дряхлым, храпящим, смердящим. Привыкают – и носки его уже не воняют отвратительно; и вздор, который он несет, уже родной; и день, прожитый без него, час, минута – прожиты зря, неправильно, неестественно.

Сила привычки – не более.

Знаешь, а я хочу такой жизни. Я хочу привыкнуть к тебе и хочу от тебя того же. Я хочу принимать тебя такой, какая ты есть и того же жду от тебя. Я надеюсь. Я самонадеян, пусть, но мне нужна надежда. На то, что мы привыкнем, всё перемелется, мы будем по-прежнему нести чушь и вздор, как без них, будем ссориться, обижаться, мириться, как без этого, но мы будем знать, что не можем друг без друга. Я без тебя. Ты без меня. Я хочу прижиматься к тебе, слышать, как ты бормочешь во сне. Неразборчиво – но мне-то понятно, мне-то. Это не колдовство, это чудо. Которого ждут все. И я, и ты. Мы вместе.

Я на это надеюсь. Нет, я знаю, что так и должно быть. Просто, знаешь ли, должно.

И поэтому я... *(Собирает клочки салфетки, раскладывает на столе, соединяет)* ухожу. Просто с сумкой и чемоданом. Тихо-тихо. Без скрипа. Без ключей от машины. Без ключей от квартиры. Твоей.

Я ухожу с воспоминаниями – плохими или хорошими, но нашими общими. Я ухожу с надеждой на долгую и счастливую жизнь. Вместе с тобой. Знаешь, всё-таки вместе с тобой. И господ присяжных прошу не беспокоиться. За меня.

Вот допью кофе и пойду. И тебе оставлю. Тебе – как себе. Знаешь, а кофе я делаю всё-таки неплохо. Просто изумительно. С этим-то ты согласишься?

(Допивает кофе).

Воронеж, 2015 год